

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | THEORETICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Стратегическое мышление и психологическая безопасность личности

М.М. Мишина¹✉, К.В. Каулин¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
✉ kirkreps@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. В работе рассматривается понятие «стратегического мышления» как комплексной способности личности. Оно тесно связано с долгосрочным планированием, критическим мышлением и метакогнитивными способностями. А это, в свою очередь, имеет непосредственное отношение к психологическому благополучию и психологической безопасности личности. **Цель:** изучить и обосновать взаимосвязь психологических конструкторов «стратегического мышления» и «психологической безопасности» личности. **Гипотезы.** Стратегическое мышление, проявляющееся в способности к долгосрочному планированию и анализу рисков, способствует повышению психологической безопасности личности за счет снижения неопределенности и тревожности. Кроме того, метакогнитивные процессы, являющиеся частью «стратегического мышления», усиливают психологическую безопасность личности, позволяя лучше управлять эмоциями и реакциями в стрессовых ситуациях. Два указанных направления могут оказывать влияние на социальные представления, социальные установки, и интервенции, направленные на усиление конструктора «стратегического мышления», могут способствовать улучшению социальной ситуации, снижая тревожность и усиливая адаптационные возможности. **Материалы и методы.** В работе используются теоретические методы, такие как анализ (поскольку «стратегическое мышление» состоит из нескольких взаимосвязанных компонентов) и синтез (для выявления общих черт конструктора «стратегического мышления» и психологической безопасности и поиска их пересечения, взаимодействия по нескольким направлениям). Абстрагирование позволяет выделить ключевые особенности и признаки стратегического мышления, чтобы в дальнейшем сопоставить их с помощью обобщения. Применение системного подхода позволяет рассматривать понятие «стратегического мышления» в комплексе, не сводя его к отдельным проявлениям, таким как «критическое мышление», «метакогнитивные

способности» или «рефлексия». **Результат.** Стратегическое мышление и психологическая безопасность личности связаны в нескольких аспектах. **Выводы.** Данные конструкторы связаны в таких направлениях, как: снижение тревожности в результате поставленных целей, оценка информации и ее источников с помощью развития критического мышления, корректировка социальных установок, развитие метакогнитивных способностей, помогающих снизить беспокойство. Результаты подтверждают, что «стратегическое мышление», особенно благодаря его способности к долгосрочному планированию и анализу рисков, играет важную роль в повышении психологической безопасности личности, снижая неопределенность и тревожность. Кроме того, метакогнитивные процессы, которые являются неотъемлемой частью конструктора «стратегического мышления», усиливают психологическую безопасность, позволяя человеку лучше регулировать свои эмоции и справляться со стрессовыми ситуациями. Эти когнитивные стратегии способны оказывать положительное влияние на социальные представления и установки, способствуя формированию более адаптивных социальных взаимодействий. Интервенции, направленные на развитие подобных навыков, демонстрируют свою эффективность в улучшении социальной ситуации, повышая адаптационные возможности индивидов.

Ключевые слова: стратегическое мышление, критическое мышление, аналитические способности, метакогнитивные способности, осознанность, благополучие, психологическая безопасность, обучение, организационная культура

Для цитирования: Мишина, М.М., Каулин, К.В. (2025). Стратегическое мышление и психологическая безопасность личности. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(2), 8—22. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020201>

Strategic thinking and psychological security of the individual

M.M. Mishina¹✉, K.V. Kaulin¹

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ kirkreps@gmail.com

Abstract

Context and Relevance. The study examines the concept of “strategic thinking” as a complex ability of an individual, closely tied to long-term planning, critical thinking, and metacognitive capabilities. This, in turn, is directly related to psychological well-being and the psychological safety of the individual. **Objective:** to explore and substantiate the relationship between the psychological constructs of “strategic thinking” and “psychological safety” of the individual. **Hypotheses.** “Strategic thinking”, manifested in the ability for long-term planning and risk analysis, contributes to enhancing personal psychological safety by reducing uncertainty and

anxiety. Additionally, metacognitive processes, which are part of “strategic thinking”, strengthen personal psychological safety, enabling better management of emotions and reactions in stressful situations. These two directions can influence social representations and social attitudes, and interventions aimed at strengthening the construct of “strategic thinking” can contribute to improving the social situation by reducing anxiety and enhancing adaptive capabilities. **Materials and methods.** The study employs theoretical methods such as analysis (since “strategic thinking” comprises several interconnected components) and synthesis (to identify common features of the “strategic thinking” construct and psychological safety, and to explore their intersection and interaction across multiple dimensions). Abstraction enables the identification of key characteristics and features of strategic thinking, which are subsequently compared through generalization. The application of a systemic approach allows for a comprehensive examination of the concept of “strategic thinking”, without reducing it to isolated manifestations such as “critical thinking”, “metacognitive skills”, or “reflection” **Results.** Strategic thinking and the psychological safety of the individual are interconnected in several aspects. **Conclusions.** These constructs are interconnected in directions such as: reducing anxiety through goal-setting, evaluating information and its sources via the development of critical thinking, adjusting social attitudes, and enhancing metacognitive abilities that help alleviate worry. The results confirm that “strategic thinking”, particularly due to its capacity for long-term planning and risk analysis, plays a crucial role in enhancing personal psychological safety by reducing uncertainty and anxiety. Additionally, metacognitive processes, which are an integral part of the “strategic thinking” construct, strengthen psychological safety by enabling individuals to better regulate their emotions and cope with stressful situations. These cognitive strategies can positively influence social representations and attitudes, fostering more adaptive social interactions. Interventions aimed at developing such skills demonstrate their effectiveness in improving the social situation and enhancing individuals' adaptive capabilities.

Keywords: strategic thinking, critical thinking, analytical abilities, metacognitive abilities, mindfulness, well-being, psychological safety, education, organizational culture

For citation: Mishina, M.M., Kaulin, K.V. (2025). Strategic thinking and psychological security of the individual. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(2), 8—22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020201>

Введение

Психологическая безопасность личности влияет на производительность труда, психическое здоровье, работоспособность и личностный рост в различных сферах жизнедеятельности. В условиях динамичных изменений общественного развития и, как следствие, наличия у активной личности постоянного стресса (Баер, Frese, 2003) возрастает необходимость в безопасности, как в своего рода фундаменте для устойчивого общественного развития.

Стратегическое мышление — это когнитивный процесс, включающий долгосрочное планирование, анализ возможностей и угроз, а также принятие решений, направленных на достижение целей. Оно объединяет критический анализ, возможности саморегуляции и метакогнитивные способности, позволяя адаптироваться к изменениям. Его наличие подразумевает долгосрочное планирование, анализ возможностей и угроз, принятие и корректировку решений, которые соответствуют целям личности и организации. Благодаря чему его можно рассматривать как своего рода «фундамент» для личности в достижении целей и результатов жизнедеятельности.

«Психологическая безопасность» рассматривается как конструкт, подразумевающий восприятие индивидом своего состояния и окружающей среды, которые не несут угрозу его деятельности, позволяя адаптироваться к изменениям, принимать адекватные межличностные риски (такие как задавание вопросов или признание ошибок), что поддерживает психическое здоровье и продуктивность.

В связи с этим поиск общих черт в таких сложных психологических конструктах представляется особенно важным.

Соотношение стратегического мышления и психологической безопасности

Выделим ключевые направления в пересечении этих двух явлений.

1. Стратегическое мышление позволяет оценивать и минимизировать риски, что снижает неопределенность и усиливает психологическую безопасность.

Исследования принятия решений в условиях неопределенности начались в начале 1970-х годов. Основополагающие работы американского психолога Д. Канемана положили начало этому направлению. Д. Канеман выделяет два взаимосвязанных компонента неопределенности: внешний и внутренний (Kahneman, Tversky, 1982). Внешняя неопределенность обусловлена случайными условиями окружающей среды, которые субъект не может контролировать или влиять на них. Внутренняя неопределенность связана с субъективной неосведомленностью индивида об обстоятельствах, в которых он находится. При этом оценка своих способностей в деле решения сложной задачи влияет на то, как будут восприниматься внешние обстоятельства (Parr, Friston, 2017). Еще одно исследование показывает, что постановка целей и последующее планирование снижает тревожность (Smith et al., 2023).

В работе Т.В. Корниловой описан субъективный аспект неопределенности (Корнилова и др., 2010). Анализируя интеграцию интеллектуальных и личностных факторов в процессе принятия решений в условиях неопределенности, автор устанавливает, что способность принимать и активно преодолевать неопределенность служит ключевым показателем интеллектуально-личностного потенциала индивида. Например, подчеркивается, что при разрешении комплексных проблем значительную роль играет стремление к минимизации неопределенности (Campello, Kankanhalli, 2024). А.А. Алдашева в своем исследовании установила, что в условиях неопределенности выбор летчиками стратегии профессионального поведения определяется их оценкой собственной способности справляться с такой ситуацией и ее эмоциональной значимостью (Алдашева и др., 2021). В работах Д. Група и Дж. Ничке выявлено, что тревога возникает не непосредственно из-за

ситуации неопределенности, а в результате ее субъективной интерпретации (Харламенкова и др., 2020). Исследование самодетерминированного поведения также показывает, что индивид, ощущающий внутреннюю автономию и уверенность в своих силах, более успешно справляется с принятием решений в условиях неопределенности (Deci, Ryan, 2000). Другое исследование свидетельствует, что «в процессе решения комплексной проблемы человеком оценки субъективной неопределенности имеют тенденцию к снижению, вне зависимости от успешности решения комплексной проблемы» (Елисеенко, 2012, с. 96). Это указывает, что стратегическое мышление и процесс решения сложных задач, независимо от их исхода, снижают тревожность, усиливая ощущение безопасности.

Этот вопрос также активно изучается в области менеджмента и управления рисками. Например, авторы данной статьи указывают (Мосейко, Дудыкина, 2008), что своевременное выявление и устранение рисков создает стабильную обстановку, снижая уровень стресса и неопределенности в рабочих процессах (Flin et al., 2000; Jung, Lim, Chi, 2020). Есть достаточно много исследований на эту тему по вопросу менеджмента и организационной культуры (Derdowski, Mathisen, 2023). Так, метаанализ исследует связь между рабочими условиями, стрессом и безопасностью, и авторы исследования отмечают, что управление рисками (например, снижение рабочих нагрузок и устранение опасностей) уменьшает стресс и неопределенность, создавая стабильную рабочую среду (Nahrgang, Morgeson, Hofmann, 2011). Важно отметить, что здесь существуют сложные взаимосвязи. Например, в одном из исследований указывается (Grote, 2015), что в некоторых случаях увеличение неопределенности может косвенно повышать ощущение безопасности за счет развития гибкости.

2. Критическое мышление (как часть стратегического) и психологическая безопасность.

Критическое мышление рассматривается как ключевая когнитивная способность человека, обусловленная его мировоззренческими установками и ценностями и направленная на получение, анализ и оценку информации. Поскольку информация является основой информационно-психологического воздействия, значение критического мышления очевидно: эта способность позволяет субъекту эффективно обрабатывать информацию, что способствует обеспечению его информационно-психологической безопасности. В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» (часть II, пункт 9) отмечается: «Реализация национальных интересов в информационной среде направлена на формирование безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной структуры в целях обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, стабильного социально-экономического развития страны, а также национальной безопасности Российской Федерации» (Доктрина информационной безопасности..., 2016).

Критическое мышление можно рассматривать как конструкт, состоящий из взаимосвязанных элементов: целеполагания, проблемы, точки зрения, эмпирического и концептуального измерений. Способность человека к критическому мышлению зависит от его умения формулировать точные вопросы, подбирать релевантную информацию, эффективно ее анализировать и делать выводы о мире на основе этих данных, что в итоге обеспечивает качественную жизнь и успешное существование в окружающей среде. В исследовании отмечается: «Критическое мышление по определению предполагает глубокий

анализ жизненной ситуации, просчитывание заранее результатов своей деятельности и в соответствии с этим выстраивание более благоприятного жизненного, личностного и профессионального пространства» (Козлова, Щеглова, 2015, с. 44).

3. Метакогнитивные процессы, понимание собственных мыслительных процессов, которое является частью стратегического мышления, позволяет лучше управлять эмоциями и реакциями. А также лучше учиться и справляться с рабочими задачами.

В стрессовых ситуациях человек может осознанно контролировать свои мысли, что помогает снизить тревожность и сохранить спокойствие. В своей теории интеллекта Р. Стернберг связывает эти способности одновременно с аналитическим мышлением и с практическим интеллектом (Sternberg, 1985). Иерархическая структура метакогнитивных умений классифицирует проявления метапознания по уровням осознанности. На нижнем уровне находятся метакогнитивные автоматизмы — действия с минимальной когнитивной вовлеченностью, не требующие специального освоения и сформированные спонтанно. Выше располагаются процессуальные навыки — устойчивые комбинации действий, закрепленные в поведении индивида и частично осознаваемые. Следующий уровень включает активность по выбору альтернатив (принятие решений), где реальным действиям предшествуют осознанные ментальные операции. На высшем уровне находятся метакогнитивные стратегии — сложные, устоявшиеся системы осознанного использования навыков самоорганизации, саморегуляции и самоконтроля в когнитивной деятельности. Эти стратегии направлены на интеграцию элементов более низких уровней для решения конкретных задач.

Между общими метакогнитивными навыками и академическими успехами наблюдается положительная корреляция (Перикова, Бызова, 2022). В исследовании выявлена взаимосвязь между обучаемостью и метакогнитивными процессами: «при возрастании индивидуальной меры развития обучаемости увеличивается степень развития метакогнитивных качеств» (Карпов, 2012, с. 234). В исследовании метакогнитивных способностей медиков в их профессиональной деятельности отмечается «метакогнитивная осведомленность, с помощью которой врачи осознают свои собственные мысли и используют оптимальные способы решения проблемных ситуаций», что позволяет им «справляться с трудностями в процессе обучения и в профессиональной деятельности» (Кашапов, Базанова, 2021, с. 392). Еще одно из недавних исследований также посвящено связи осознанности и эмоциональной регуляции с психологической безопасностью и здоровьем (Oman, 2023).

Кроме того, нейронаука демонстрирует, что практика mindfulness стимулирует активацию зон мозга, ответственных за саморефлексию и регуляцию эмоций (Farb et al., 2007). Это также способствует повышению когнитивной гибкости (Kuyken et al., 2010), что имеет ключевое значение для адаптации и разрешения сложных задач. Осознанное наблюдение за своими мыслями, чувствами и реакциями позволяет выявить автоматические отклики на прошлые события, создавая возможность их последующего изменения (Clemente, 2024).

4. Ощущение психологической безопасности позволяет командам открыто обсуждать ошибки и проблемы, что способствует обучению и инновациям (Edmondson, 1999).

Следование принципам психологической безопасности личности в рабочем процессе помогает сотрудникам экспериментировать и учиться на ошибках (Carmeli, Brueller, Dutton, 2009). Команды, чувствующие себя в безопасности, чаще сообщают об ошибках и предлагают улучшения (Leroy et al., 2012). Работы А. Эдмондсон подчеркивают, как

психологическая безопасность способствует обучению сотрудников и последующему внедрению инноваций, необходимых для стратегических результатов: психологическая безопасность является ключевым фактором, способствующим обучению и инновационному мышлению, поскольку она создает условия, в которых люди могут свободно экспериментировать, не опасаясь негативных последствий (Edmondson, 1999; Edmondson, Kerrissey, 2025). Еще одна ее работа обобщает опыт исследования взаимосвязи ощущения психологической безопасности с готовностью обсуждать ошибки, что способствует обучению (Edmondson, Bransby, 2023). Психологическая безопасность помогает командам делиться информацией и принимать совместные решения, что полезно для планирования результатов и изучения вызовов (Mogård, Rørstad, Bang, 2023). Исследования также демонстрируют, что доверие, как часть психологической безопасности, улучшает качество стратегических решений благодаря обучению на ошибках и обсуждениям: «Обучение команды на ошибках взаимосвязано с доверием и качеством стратегических решений» (Carmeli, Tishler, Edmondson, 2012, p. 31).

5. Стратегическое мышление может быть полезным в вопросе корректировки социальных установок и стереотипов. Это оказывается значимым для психологической безопасности как самого индивида, так и всего общества (что особенно актуально для такой многонациональной страны, как Россия).

Еще Д. Узнадзе отмечал, что установки основаны на предшествующем опыте (Узнадзе, 2001), в то время как для стратегического мышления, постановки целей, планирования важно видеть картину шире. В зарубежном исследовании (Petty, Cacioppo, 1986) представлена модель вероятности обработки информации (ELM), которая объясняет, как люди обрабатывают информационные сообщения. Авторы показывают, что аналитическое мышление позволяет людям критически оценивать информацию, что может приводить к изменению установок и стереотипов. Люди с высоким уровнем критического мышления лучше распознают и корректируют свои предубеждения и стереотипы, особенно если они сталкиваются с логическими противоречиями в своих установках. Стратегическое мышление побуждает индивидов подвергать сомнению автоматические суждения и стереотипы. Метакогнитивные процессы, такие как осознание собственных мыслительных процессов, позволяют выявлять и корректировать искаженные установки. В Российской Федерации, с ее этническим и культурным разнообразием, стратегическое мышление может способствовать снижению межгрупповых предубеждений, укрепляя психологическую безопасность. Исследование рассматривает критическое мышление через гипотезу воплощенного познания, где рациональное и чувственное мышление тесно связаны. Авторы обсуждают когнитивные искажения как естественные отклонения в рассуждениях и полагают, что образовательные стратегии могут снижать, в том числе, влияние предубеждений и стереотипов (Голубинская, Вяхирева, 2024). Ключевые механизмы — «диспозиционная внимательность» (осознанность текущего момента) и «нереактивность» (контроль аффективных реакций). Эти механизмы позволяют человеку глубже анализировать свои мысли и реакции, что особенно важно в социальных контекстах.

Исследование показывает, что краткосрочные интервенции, направленные на развитие критического мышления, помогают подросткам противостоять дезинформации (Orosz et al., 2024). В другом исследовании рассматривается, как когнитивные искажения препятствуют

критическому мышлению, а его развитие может способствовать преодолению стереотипов (Dwyer, 2023). Автор отмечает, что критическое мышление снижает зависимость от интуитивных суждений и эвристических ошибок, которые часто лежат в основе социальных стереотипов.

6. Стратегическое мышление является фактором, способствующим адаптации к социальным изменениям и снижению тревожности.

Связь мыслей человека с психологическим благополучием широко известна и стала основанием всей когнитивно-поведенческой терапии (КПТ). В то же время тревожность и беспокойство являются характерными чертами современного времени, учитывая динамические изменения и информационные перегрузки. Метаанализ подтверждает связь между развитием метакогнитивных процессов и снижением тревожности (Hohendorf, Bauer, 2023). Психологическая безопасность позволяет лучше адаптироваться к условиям неопределенности, что связано со способностью планировать действия и предвидеть долгосрочную перспективу, и это находит применение, например, в образовательном процессе (Голубинская, Вяхирева, 2024). Благодаря развитию процессов рефлексии и саморегуляции критическое мышление способствует более обоснованному принятию решений. Метаанализ показывает, что программы интервенции, направленные на развитие критического мышления с применением инструментов КПТ, способствуют развитию резилентности, способности динамически преодолевать стрессы и трудные периоды конструктивным путем, что способствует благоприятным последствиям для школьников, в том числе тех, что находятся в трудных социально-экономических условиях (Llistosella et al., 2023). Школа рассматривается авторами как ключевое место для подобных интервенций.

Д.А. Хорошилов в своей диссертационной работе вводит психологический конструкт «прекарность», определяя его как индивидуальное или коллективное переживание уязвимости и незащищенности в условиях неопределенности и транзитивности (Хорошилов, 2021). В контексте последних лет особое внимание уделяется специфике переживания (Скотникова и др., 2020; Харламенкова и др., 2020). Тревожность также трактуется как состояние современного общества, и предлагается развитие саморегуляции и волевого контроля как средства, помогающего справиться с тревогой.

Заключение

Стратегическое мышление личности, подразумевающее умение ставить долгосрочные цели, придерживаться и в то же время корректировать их, непосредственно связано с психологической безопасностью человека и общества. Рассмотрение конструкта «стратегического мышления» в комплексе, с применением системного подхода, позволяет не сводить его к конкретным проявлениям, а выделять множество черт.

Связь между «стратегическим мышлением» и «психологической безопасностью личности» проявляется в нескольких важных аспектах. Прежде всего, постановка целей, характерная для стратегического мышления, помогает уменьшить тревогу, так как дает ясность и снижает чувство неопределенности. Кроме того, развитие критического мышления (как части конструкта «стратегического мышления») улучшает способность анализировать информацию и проверять ее источники, что ведет к более уверенным решениям и снижению беспокойства. Также стратегическое мышление способствует возможностям по пересмотру

социальных установок, корректируя неадаптивные и предвзятые взгляды и делая возможности более гибкими. Наконец, развитие метакогнитивных навыков помогает лучше контролировать эмоции и реакции, что также снижает уровень тревожности, способствуя возможности регулировать эмоции и адаптироваться к стрессу. Различные грани когнитивных процессов, необходимые для того, чтобы оценивать информацию и ход решения вопросов, оказываются непосредственно связаны с информационно-психологической безопасностью, а метакогнитивные способности, подразумевающие осознание своего хода мыслей и чувств, способствуют снижению беспокойства и тревожности.

Хотя стратегическое мышление способствует снижению неопределенности и тревожности, что усиливает психологическую безопасность, эти процессы могут различаться в зависимости от контекста. Например, в организациях оно может поддерживать инновации и командную работу, а в образовательной среде — способствовать благополучию студентов. Исследование таких различий позволит разработать более точные рекомендации для практики.

Кроме того, важны процессы дальнейшей разработки практических инструментов, направленных на развитие стратегического мышления. Исследование эффективности таких интервенций (например, инструментов по планированию или осознанности) может дать рекомендации для педагогов, психологов и руководителей. Представляется целесообразным также изучение взаимосвязей конструкторов «стратегического мышления» и «психологической безопасности» с другим психологическими характеристиками и конструктами, такими как «эмоциональный интеллект», «креативность», «лидерство» и «резилиентность».

Список источников / References

1. Алдашева, А.А., Лим, В.С., Лекалов, А.А., Рунец, О.В. (2021). Стратегии профессионального поведения летчиков Воздушно-космических сил в ситуации неопределенности и риска. *Военно-медицинский журнал*, 342(8), 59—65. Aldasheva, A.A., Lim, V.S., Lekalov, A.A., Runets, O.V. (2021). Strategies of professional behavior of Air and Space Forces pilots in situations of uncertainty and risk. *Military Medical Journal*, 342(8), 59—65. (In Russ.).
2. Баева, И.А. (2024). Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития. *Психологические исследования*, 1(3), 5—19. Baeva, I.A. (2024). Psychological Safety of the Educational Environment: Emergence of the Field and Prospects for Development. *Psychological Studies*, 1(3), 5—19. (In Russ.).
3. Голубинская, А.В., Вяхирева, В.В. (2024). Критическое мышление в контексте воплощенного познания: обзор психологических исследований. *Психологическая наука и образование*, 29(3), 145—159. Golubinskaya, A.V., Vyakhireva, V.V. (2024). Critical Thinking in the Context of Embodied Cognition: A Review of Psychological Research. *Psychological Science and Education*, 29(3), 145—159. (In Russ.).

Мишина М.М., Каулин К.В. (2025)
Стратегическое мышление и психологическая
безопасность личности
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(2), 8—22.

Mishina M.M., Kaulin K.V. (2025)
Strategic thinking and psychological security of the
individual
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(2),
8—22.

4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2016). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 01.05.2025)
Doctrine of Information Security of the Russian Federation (2016). (In Russ.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (viewed: 01.05.2025).
5. Елисеенко, А.С. (2012). Субъективная неопределенность в решении комплексных проблем. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 2(3), 78—102.
Eliseenko, A.S. (2012). Subjective uncertainty in solving complex problems. *Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research*, 2(3), 78—102. (In Russ.).
6. Карпов, А.А. (2012). Взаимосвязи обучаемости и метакогнитивных качеств личности. *Ярославский педагогический вестник*, 3, 228—235.
Karpov, A.A. (2012). Relationships between learnability and metacognitive personality traits. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3, 228—235. (In Russ.).
7. Кашапов, М.М., Базанова, Г.Ю. (2021). Сравнение показателей метакогнитивной осведомленности врачей на разных этапах образования. *Перспективы науки и образования*, 52(4), 392—403.
Kashapov, M.M., Bazanova, G.Yu. (2021). Comparison of metacognitive awareness indicators among doctors at different stages of education. *Perspectives of Science and Education*, 52(4), 392—403. (In Russ.).
8. Козлова, Н.В., Щеглова, М.С. (2015). Взаимосвязь уровня критического мышления и психологической безопасности студентов высшей школы. *Сибирский психологический журнал*, 57, 34—49. <https://doi.org/10.17223/17267080/57/3>
Kozlova, N.V., Shcheglova, M.S. (2015). The relationship between the level of critical thinking and psychological safety of university students. *Siberian Psychological Journal*, 57, 34—49. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/17267080/57/3>
9. Корнилова, Т.В., Чумакова, М.А., Корнилов, С.А., Новикова, М.А. (2010). *Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека*. М.: Смысл. 334 с.
Kornilova, T.V., Chumakova, M.A., Kornilov, S.A., Novikova, M.A. (2010). *Psychology of uncertainty: The unity of human intellectual and personal potential*. M.: Smysl. 334 p. (In Russ.)
10. Мосейко, В.О., Дудыкина, Е.Н. (2008). Оценка и минимизация рисков инновационного процесса. *Российское предпринимательство*, 9(10-2), 151—156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-i-minimizatsiya-riskov-innovatsionnogo-protssessa> (дата обращения: 03.04.2025)
Moseiko, V.O., Dudykina, E.N. (2008). Assessment and minimization of risks in the innovation process. *Russian Entrepreneurship*, 9(10-2), 151—156. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-i-minimizatsiya-riskov-innovatsionnogo-protssessa> (viewed: 03.04.2025)

Мишина М.М., Каулин К.В. (2025)
Стратегическое мышление и психологическая
безопасность личности
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(2), 8—22.

Mishina M.M., Kaulin K.V. (2025)
Strategic thinking and psychological security of the
individual
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(2),
8—22.

11. Перикова, Е.И., Бызова, В.М. (2022). Факторная структура русскоязычной версии опросника «Метакогнитивная включенность в деятельность». *Культурно-историческая психология*, 18(2), 116—126. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180212>
Perikova, E.I., Byzova, V.M. (2022). Factor structure of the Russian-language version of the “Metacognitive Involvement in Activity” questionnaire. *Cultural-Historical Psychology*, 18(2), 116—126. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2022180212>
12. Скотникова, И.Г., Егорова, П.И., Огаркова, Ю.Л., Жиганов, Л.С. (2020). Психологические особенности переживания неопределенности при эпидемии COVID-19. *Социальная и экономическая психология*, 5(2), 245—268.
Skotnikova, I.G., Egorova, P.I., Ogarkova, Yu.L.ë, Zhiganov, L.S. (2020). Psychological features of experiencing uncertainty during the COVID-19 epidemic. *Social and Economic Psychology*, 5(2), 245—268. (In Russ.)
13. Харламенкова, Н.Е., Быховец, Ю.В., Дан, М.В., Никитина, Д.А. (2020). Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19. *Психологические исследования*, 13(73), 1—14. URL: www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html (дата обращения: 02.04.2025)
Kharlamenkova, N.E., Bykhovets, Yu.V., Dan, M.V., Nikitina, D.A. (2020). Experiencing uncertainty, anxiety, and worry in the context of COVID-19. *Psychological Studies*, 13(73), 1—14 (In Russ.). URL: www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html (viewed: 02.04.2025).
14. Хорошилов, Д.А. (2021). Психология социального познания в изменяющемся обществе: Автореферат дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГУ. 34 с.
Khoroshilov, D.A. (2021). *Psychology of social cognition in a changing society: Extended abstr. Diss. Dr. Sci. (Psychol.)* Moscow: MSU. 34 p. (In Russ.)
15. Узнадзе, Д.Н. (2001). *Психология установки*. Санкт-Петербург: Питер. 416 с.
Uznadze, D.N. (2001). *Psychology of set*. Saint Petersburg: Piter. 416 p. (In Russ.)
16. Baer, M., Frese, M. (2003). Innovation is not enough: Climates for initiative and psychological safety, process innovations, and firm performance. *Journal of Organizational Behavior*, 24(1), 45—68. <https://doi.org/10.1002/job.179>
17. Carmeli, A., Brueller, D., Dutton, J.E. (2009). Learning behaviours in the workplace: The role of high-quality interpersonal relationships and psychological safety. *Systems Research and Behavioral Science*, 26(1), 81—98. <https://doi.org/10.1002/sres.932>
18. Carmeli, A., Tishler, A., Edmondson, A.C. (2012). CEO relational leadership and strategic decision quality in top management teams: The role of team trust and learning from failure. *Strategic Organization*, 10(1), 31—54. <https://doi.org/10.1177/1476127011434797>
19. Campello, M., Kankanhalli, G. (2024). Corporate decision-making under uncertainty: review and future research directions. In: D.J. Denis (Ed.), *Handbook of Corporate Finance* (pp. 548—590). Edward Elgar Publishing.

Мишина М.М., Каулин К.В. (2025)
Стратегическое мышление и психологическая
безопасность личности
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(2), 8—22.

Mishina M.M., Kaulin K.V. (2025)
Strategic thinking and psychological security of the
individual
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(2),
8—22.

20. Clemente, T. (2024). Engendering agency, mindfulness, and critical thinking in online education. *International Journal on Open and Distance e-Learning*, 9(2), 1—14. <https://doi.org/10.58887/ijodel.v9i2.264>
21. Deci, E.L., Ryan, R.M. (2000). The 'what' and 'why' of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, 11(4), 227—268. https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01
22. Derdowski, L., Mathisen, G. (2023). Psychosocial factors and safety in high-risk industries: A systematic literature review. *Safety Science*, 157, 105948. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2022.105948>
23. Dwyer, C.P. (2023). An evaluative review of barriers to critical thinking in educational and real-world settings. *Journal of Intelligence*, 11(6), 105. <https://doi.org/10.3390/jintelligence11060105>
24. Edmondson, A.C. (1999). Psychological safety and learning behavior in work teams. *Administrative Science Quarterly*, 44(2), 350—383.
25. Edmondson, A. C., Kerrissey, M.J. (2025). What people get wrong about psychological safety. *Harvard Business Review*, 103(3), 1—9.
26. Edmondson, A.C., Bransby, D., P. Psychological Safety Comes of Age: Observed Themes in an Established Literature (January 2023). *Annual Review of Organizational Psychology & Organizational Behavior*, 10(1), 55—78. URL: <https://ssrn.com/abstract=4337247> or <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-120920-055217>
27. Farb, N.A.S., Segal, Z.V., Mayberg, H., Bean, J., McKeon, D., Fatima, Z., Anderson, A.K. (2007). Attending to the present: Mindfulness meditation reveals distinct neural modes of self-reference. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2(4), 313—322. <https://doi.org/10.1093/scan/nsm030>
28. Flin, R., Mearns, K., O'Connor, P., Bryden, R. (2000). Measuring safety climate: Identifying the common features. *Safety Science*, 34(1-3), 177—192. [https://doi.org/10.1016/S0925-7535\(00\)00012-6](https://doi.org/10.1016/S0925-7535(00)00012-6)
29. Grote, G. (2015). Promoting safety by increasing uncertainty — Implications for risk management. *Safety Science*, 71 (Part B), 71—79. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2014.02.010>
30. Hohendorf, M., Bauer, M. (2023). Metacognitive sensitivity and symptoms of mental disorder: A systematic review and meta-analysis. *Frontiers in psychology*, 14, 991339. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.991339>
31. Jung, M., Lim, S., Chi, S. (2020). Impact of work environment and occupational stress on safety behavior of individual construction workers. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(22), 8304. <https://doi.org/10.3390/ijerph17228304>
32. Kahneman, D., Tversky, A. (1982). Variants of uncertainty. *Cognition*, 11(2), 143—157. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(82\)90023-3](https://doi.org/10.1016/0010-0277(82)90023-3)

Мишина М.М., Каулин К.В. (2025)
Стратегическое мышление и психологическая
безопасность личности
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(2), 8—22.

Mishina M.M., Kaulin K.V. (2025)
Strategic thinking and psychological security of the
individual
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(2),
8—22.

33. Kuyken, W., Watkins, E., Holden, E., White, K., Taylor, R. S., Byford, S., Evans, A., Radford, S., Teasdale, J.D., Dalglish, T. (2010). How does mindfulness-based cognitive therapy work?. *Behaviour Research and Therapy*, 48(11), 1105—1112. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2010.08.003>
34. Leroy, H., Dierynck, B., Anseel, F., Simons, T., Halbesleben, J.R.B., McCaughy, D., Savage, G.T., Sels, L. (2012). Behavioral integrity for safety, priority of safety, psychological safety, and patient safety: A team-level study. *Journal of Applied Psychology*, 97(6), 1273—1281. <https://doi.org/10.1037/a0030076>
35. Llistosella, M., Castellví, P., Miranda-Mendizabal, A., et al. (2023). Effectiveness of resilience-based interventions in schools for adolescents: A systematic review and meta-analysis. *Frontiers in Psychology*, 14, 1211113. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1211113>
36. Mogård, E. V., Rørstad, O. B., Bang, H. (2023). The relationship between psychological safety and management team effectiveness: The mediating role of behavioral integration. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(1), 406. <https://doi.org/10.3390/ijerph20010406>
37. Nahrgang, J.D., Morgeson, F.P., Hofmann, D.A. (2011). Safety at work: A meta-analytic investigation of the link between job demands, job resources, burnout, engagement, and safety outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 96(1), 71—94. <https://doi.org/10.1037/a0021484>
38. Oman, D. (2023). Mindfulness for global public health: Critical analysis and agenda. *Mindfulness*, 16, 573—612. <https://doi.org/10.1007/s12671-023-02089-5>
39. Orosz, G., Faragó, L., Paskuj, B., Krekó, P. (2024). Strategies to combat misinformation: Enduring effects of a 15-minute online intervention on critical-thinking adolescents. *Computers in Human Behavior*, 159, 108338. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108338>
40. Parr, V., Friston, K.J. (2017). Uncertainty, epistemics and active inference. *Journal of The Royal Society Interface*, 14(136), 1—10. <https://doi.org/10.1098/rsif.2017.0376>
41. Petty, R.E., Cacioppo, J.T. (1986). The elaboration likelihood model of persuasion. *Advances in Experimental Social Psychology*, 19, 123—205. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60214-2](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60214-2)
42. Smith, N., Janbakhsh, M., Gay, H., Brown, L. (2023). Therapeutic goal types in young people's mental health providers and changes in anxiety and mood. *Journal of Child and Family Studies*, 32(12), 3731—3741.
43. Sternberg, R.J. (1985). *Beyond IQ: A triarchic theory of human intelligence*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 411 p.

Информация об авторах

Марина Михайловна Мишина, Российский государственный гуманитарный университет, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики образования

Мишина М.М., Каулин К.В. (2025)
Стратегическое мышление и психологическая
безопасность личности
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(2), 8—22.

Mishina M.M., Kaulin K.V. (2025)
Strategic thinking and psychological security of the
individual
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(2),
8—22.

института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, Москва, Российская Федерация, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0001-9348-7804>, e-mail: mishinamm@yandex.ru

Кирилл Владимирович Каулин, Российский государственный гуманитарный университет,
магистрант института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, Москва, Российская
Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3933-9824>, e-mail: kirkreps@gmail.com

Information about the authors

Marina Mikhailovna Mishina, Russian State University for the Humanities, Doctor of
Psychological Sciences, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Education,
L.S. Vygotsky Institute of Psychology, RSUH, Moscow, Russian Federation, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0001-9348-7804>, e-mail: mishinamm@yandex.ru

Kirill Vladimirovich Kaulin, Russian State University for the Humanities, Master's student at the
L.S. Vygotsky Institute of Psychology, RSUH, Moscow, Russian Federation, ORCID:
<https://orcid.org/0009-0001-3933-9824>, e-mail: kirkreps@gmail.com

Вклад авторов

Мишина М.М. — идея исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи.

Каулин К.В. — работа с источниками; написание и оформление рукописи.

Оба автора приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст
рукописи

Contribution of the authors

Marina M. Mishina — research idea; annotation, writing, and formatting of the manuscript.

Kirill V. Kaulin — work with sources; writing and formatting of the manuscript.

Both authors participated in discussing the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 08.04.2025
Поступила после рецензирования 11.05.2025
Принята к публикации 23.06.2025
Опубликована 30.06.2025

Received 2025.04.08
Revised 2025.05.11
Accepted 2025.06.23
Published 2025.06.30